

8. Кухаренко В.А. Інтерпретація тексту. — Вінниця: Нова книга, 2004. — 260 с.
9. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. — М., 1973.
10. Фоянкова О.И. Имя собственное в художественном тексте. — Л., 1990.

Статья поступила в редакцию 22.03.2006 г.

□

УДК 81.366

Н. В. Дьячок

СТРУКТУРНЫЙ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ЭТИМОЛОГО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ГНЕЗДА С ВЕРШИНОЙ-ГЛАГОЛОМ «РЕЧИ»

Актуальным для теории русского словообразования является вопрос о контаминационной формации, включающей элементы словообразовательного гнезда и гнезда этимологического. Формацию такого типа можно назвать этимолого-словообразовательным гнездом. Этимолого-словообразовательное гнездо (ЭСГ) — это упорядоченная ахронической производностью совокупность слов, имеющая своей базой конкретное первичное слово — этимон. На основании этого слова в этимолого-словообразовательном гнезде посредством соответствующих словообразовательных формантов строятся другие простые слова, представляющие собой некие структурные единства, составляющие парадигмы и цепочки. Каждый словообразовательный формант обладает конкретным словообразовательным значением. Нужно заметить, что принцип ахронии (ведущий при организации конкретного ЭСГ) позволяет включать в рамки гнезда слова, образованные посредством строго определенного набора формантов. При этом словообразовательные форманты не должны быть сложными (например конфиксами) и, соответственно, должны обладать строго определенным значением, берущим свое начало в общекатегориальном значении и сужающемся до конкретного словообразовательного. Таким образом, каждый элемент этимолого-словообразовательного гнезда представляет собой определенную словообразовательную структуру.

Термин «словообразовательная структура производного слова» понимается учеными по-разному и нередко смешивается в употреблении с другим термином — «морфемная (морфологическая) структура слова». В работах по словообразованию выражение «отношение производного к производящему» потеряло, по существу, свой конкретный смысл, так как используется для раскрытия чуть ли не всех основных понятий словообразования.

Истолкование понятия «структура слова» через понятие «форма слова» основано на близости понятий «структура» и «форма» (ср.: структура — строение, внутреннее устройство чего-либо, форма — вид, тип, устройство, структура, обусловленные определенным содержанием). А.М. Пешковский формой слова называл самую возможность для слова распасться на две части. Е.С. Кубрякова под формой слова понимает его общее свойство — выделяться из окружения и выделять в себе самом отдельные части. Она говорит о фонетической, грамматической форме и морфологической, словообразовательной и семантической структурах слова. Целесообразнее было бы, очевидно, различать в употреблении слова «структура» и «форма», закрепив за «формой» значение 'выделяться из своего окружения', а за «структурой» — 'выделять в себе самом отдельные части'.

Определения словообразовательной структуры слов с помощью формы носят обобщенный характер и не отграничиваются четко от соответствующего морфологического явления (ср.: «структура — это форма организации единицы языко-

вого выражения, имеющая системный, закономерный характер» [9, с. 11]). В такого рода определениях не подчеркнут словообразовательный (а тем более этимологический) характер структур производных слов – выделяемость формантной и мотиваторной частей, а поэтому они легко могут быть применимы для классификации и описания морфологических явлений. Морфологические структуры нередко также имеют бинарное строение, однако соотношение суффикса и основы варьирует в них разные словоформы в пределах одного и того же слова (*реку* – *рычи*), тогда как структурные части производного слова содержат указание на соотносительность одного слова с другим (*рукав* – *рукавица*).

Словообразовательная структура – это «членимость слова на элементы, непосредственно участвующие в образовании данного слова» [5, с. 38], материальное строение, состав слов, обладающих свойством выделять производящую основу и суффикс. Ее отличают модельные качества. Словообразовательная структура слов в такой интерпретации близка к понятию образца, предложенному Н.А. Янко-Триницкой. Слишком широким представляется определение словообразовательной структуры как совокупности словообразовательных элементов, выражающих форму и содержание слова.

А.Д. Зверев считает, что словообразовательная структура – это «формально выраженная производность слова, его «устройство», представляющее собой объединение разных по выполняемой функции частей – формантной и мотиваторной» [1, с. 23]. С помощью словообразовательной (этимолого-словообразовательной) структуры выражается словообразовательное значение. «Поэтому правильнее было бы говорить, – отмечает Н.А. Янко-Триницкая, – не о значении отдельного аффикса, а о значении, которое создается совокупностью всех структурных компонентов производного слова» [12, с. 85]. Бинарность формального средства обуславливает и бинарность предполагаемого значения. Все аффиксы имеют связанное значение, реализуемое лишь в единстве со значением соответствующей основы. Оба структурных элемента слова, выступая как «равноправные партнеры словообразовательной модели, оказываются компонентами взаимообусловленными и взаимозависимыми» [3, с. 203]. Только аффиксы, составляющие небольшую группу, «достаточно четко и компактно формулируют тот семантический оттенок, который вносится аффиксом в структуру мотивированного слова» [4, с. 98-99]. Это аффиксы с модификационным значением – уменьшительности, ласкательности, единичности и др. (*руч-к(а)*, *рукав-чик*). Другие аффиксы выражают значение, входящее в качестве составной части в значение, передаваемое структурой производного слова; сравним: *порочный* 'обладающий порочными качествами', *речник* 'тот, кто речет, говорит'.

Существует и иная точка зрения на словообразовательную структуру. Этим термином обозначают и один акт словообразования, если производная основа включает суффикс и производящую основу, равную непроизводной (корню), и несколько таких актов, когда производная основа отражает ряд ступеней словообразования. А.П. Соболева отмечает, что «в отличие от распространенного понимания словообразовательной структуры слова как только соотношения производящей и производной основы, под словообразовательной структурой слова мы понимаем все деривационные шаги, необходимые для его получения» [7, с. 158].

Некоторые ученые обнаруживают колебания при трактовке словообразовательной структуры производных, понимая ее то как цепочку бинарных конструкций, то как бинарную конструкцию [11, с. 6].

Очевидно, что предшествующие акты производности для словообразовательной структуры последней ступени деривации значения не имеют: словообразовательно релевантны лишь форманты действующие, завершающие строение производного слова.

В силу того, что ЭСГ данного типа представляется нетрадиционной формацией, возникает проблема определения словообразовательного значения. Необычность и неоднозначность определения состоит в том, что оно опирается на принцип ахронии, ведущий принцип построения ЭСГ.

Общепринятое толкование словообразовательного значения, заключающееся в выделении его как общего для производных определенного словообразовательного типа и установлении его на основании соотнесения производящих и производных (В.А. Белошапкова, Е.А. Земская и др.), не является реальным для производных единиц ЭСГ.

Принцип ахронии предполагает определение словообразовательного значения слова, произведенного в результате единичного акта словопроизводства вне какого-либо словообразовательного типа, поскольку понятие типа – вторично по отношению к понятию словообразовательного значения. Данное соотношение первичного и вторичного понятий позволяет определить то значение, которое заключено в аффиксе производного слова в рамках ЭСГ, как этимолого-словообразовательное значение. Это не значит, что мы отказываемся от понятия «словообразовательный тип». Это значит только то, что не рамки словообразовательного типа определяют словообразовательное значение, а словообразовательное значение вкуче с другими факторами (основа, формант) определяет словообразовательный тип.

Этимолого-словообразовательное значение нельзя связывать только с деривационным аффиксом или только с мотивирующей частью производного; это особый тип значения не по своему содержанию как таковому, а по способу его выражения и, главное, по организации структуры этого содержания. Этимолого-словообразовательное значение – это «всегда наложения одного категориального значения на другое (выделено нами – Н.Д.), совместная встречаемость по крайней мере двух категориальных значений в пределах одного наименования. <...> В основу классификации производных и выделения моделей должны быть положены словообразовательные (этимолого-словообразовательные – Н.Д.) значения» [2, с. 37].

Утверждение Е.С. Кубряковой относительно своеобразной контаминации категориальных значений в пределах производной единицы вполне оправдано: деривационный аффикс, согласно принципу ахронии, прежде всего является «носителем» общекатегориального (или – просто – категориального) значения. «Основная функциональная нагрузка деривационного аффикса заключается в преобразовании, в перестройке уже имеющейся в языке основы и тем самым образовании новой основы другой лексической единицы» [10, с. 12].

Поскольку уровни системы (языка) взаимосвязаны, то значимые процессы, протекающие на одном из них, соответственно аналогичны процессам, протекающим на другом уровне. Так, в праиндоевропейский период на уровне лексики отмечалась тенденция развития лексического значения от общего к конкретному (или конкретным): **rēkti* 'говорить' – *rēnkam* (лит. *renku*) 'собираю, зову, собираю звуками своего голоса'; *(s)*kel* – 'действовать каким-то острым орудием (рубить, расщеплять, выдалбливать, резать и т.д.)'. Таким же образом, следовательно, шло развитие значений ряда деривационных аффиксов: *-ьba* – имена действий; некоторые из них получили значение конкретных предметов или явлений; некоторые же стали именами с общим отвлеченным значением: *bor-ьba*, *chval-ьba*, *svat-ьba*, *druž-ьba*, *sod-ьba* и т.д. [6, т. II, с. 74]. И еще: *ije* – средний род: а) имена, производные от страдательного причастия прошедшего времени, представляющие значение имен действий и явлений: *порочение*, *поречение*, *опорочивание* (соответственно от причастий *пороченый*, *пореченый*, *опорочиванный*) и т.д.; б) имена на *-ije*, снабженные

префиксом, получающие конкретное значение: *нартыше* и т.п. [6, т. II, с. 59] (примеры наши — Н.Д.). В силу подобного развития сейчас в смысловой структуре аффикса можно выделить по крайней мере три взаимодействующих типа значений: а) общекатегориальное лексико-грамматическое значение части речи, б) общекатегориальное значение лексического разряда, класса, в) индивидуальное лексическое (словообразовательное — Н.Д.) значение, присущее только данному аффиксу [10, с. 13] (в слове *реченный* выделяется словообразовательный суффикс *-енн-*; он выражает три типа значений: а) значение причастия как части речи, б) значение страдательного причастия прошедшего времени, в) словообразовательное значение признака предмета по действию, то есть «то, что речено, говорено»).

Лексико-грамматическое значение части речи маркирует все слова, в состав которых входит ранний аффикс в качестве второго компонента деривационной структуры слова, независимо от лексических значений производящих основ, взаимодействующих с аффиксом. Транспонирующая и классифицирующая (идентифицирующая) функции аффикса связаны не с наличием / отсутствием у него этого значения, а с его дистрибутивными свойствами, с характером проявления этого типа значения. Напомним, что транспонирующие аффиксы ведут к созданию единиц другого класса: *изреченный* — *изреч-ени(я)-е*, *порочный* — *порочн-о*, *речи* — *р-о-к* и т.п.); классифицирующие (идентифицирующие) аффиксы хотя и не ведут к такой полной категориальной перестройке основы, обычно связаны с более частными категориями внутри данного класса (*речи* — *поречь*, *оброчный* — *переоброчный* и т.п.).

Общекатегориальное значение лексического разряда предопределяет в пределах данной части речи более частные лексико-семантические группы слов, и, как правило, присуще целой группе аффиксов. Так, аффиксы *-н-*, *-лив-* относят дериваты не только к классу имен прилагательных, но и к лексическому разряду слов, обозначающих «качество лица»: *порочный*, *порочливый*, *урочливый*.

Индивидуальное лексическое (словообразовательное) значение отличает данный аффикс от всех других аффиксов того же лексического (словообразовательного) разряда образующих производные одного этимолого-словообразовательного поля. В приведенных выше суффиксах *-н-*, *-лив-* каждый передает только ему присущий характер «признаковости», «качества», а также особенности оценочного, коннотативного компонента. Индивидуальное значение аффикса непосредственно связано с коннотативным аспектом значения дериватов.

Значение же многоморфемного слова в целом классически «представляет собой простую сумму значений составляющих это слово морфем» [8, с. 19]. В морфемной структуре слова могут быть обнаружены одинаковые и противоположные категориальные значения. В таких случаях слово в целом имеет то категориальное значение, которое придает ему последний морф. Так, в слове *отроч-лив-ость* категориальная принадлежность корня может быть определена значением предметности, лица. Следующий за корнем суффикс *-лив-* зачеркивает это значение корня, создавая значение признака, а последний в слове суффикс *-ость-* вновь возвращает все на прежние места, сообщая всему слову значение предметности.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: каждое слово исследуемого гнезда представляет собой определенную структуру; словообразовательные значения формантов берут начало в категориальных значениях слов, что соответствует ведущему принципу построения гнезда — принципу ахронии.

Литература

1. Зверев А.Д. Словообразование в современных восточнославянских языках. — М.: Высшая школа, 1981. — 212 с.

2. Кубрякова Е.С. Об основной единице словообразовательной системы языка // Актуальные проблемы русского словообразования. — Ч. 1. — Ташкент, 1978. — С. 36-39.
3. Кубрякова Е.С., Харитончик З.А. О словообразовательном значении и описании смысловой структуры производных суффиксального типа // Принципы и методы семантических исследований. — М., 1976. — С. 17-23.
4. Лопатин В.В. О значении словообразовательного аффикса // Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. Тезисы докладов секционных заседаний. — М.: МГУ, 1974. — С. 8-10.
5. Пастушенков Г.А. Структура русского слова в ее отношении к структурно-семантическому и функциональному уровням членения // Ученые записки Калининского пединститута. — Т. 53. — Калинин: КГПИ, 1968. — С.56-62.
6. Селищев А.М. Старославянский язык. — Ч. 2. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 206 с.
7. Соболева А.П. Исследование словообразовательной системы на основе аппликативной порождающей модели // Ученые записки Тартусского университета. — Тарту: ТГУ, 1969. — С. 156-178.
8. Современный русский язык / Гл. ред. В.А. Белошапкова. — М.: Просвещение, 1981. — 800 с.
9. Степанова М.Д. Методы синхронного анализа лексики. — М.: МГУ, 1968. — 84 с.
10. Хидекель С.С. Семантические особенности основных единиц словообразовательной модели // Иностр. языки в школе. — 1977. — № 4. — С. 12-16.
11. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. — М.: МГУ, 1968. — 312 с.
12. Янко-Триницкая Н.А. Закономерность связей словообразовательного и лексического значений в производных словах // Развитие современного русского языка — М.: АН СССР, 1963. — С. 3-12.

Статья поступила в редакцию 09.03.2006 г.

УДК 811.111

Л. М. Ікалюк

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ ПОРІВНЯЛЬНИХ КОНСТРУКЦІЙ ДАВНЬОАНГЛІЙСЬКОЇ МОВИ

Порівняння є чи не основним засобом пізнання світу, завдяки якому відбувається процес відображення дійсності у свідомості людини і відтворювання її у мовній діяльності. Адже нові ідеї, значення виникають на основі подібності чи відмінності з тими, які вже існують. Людина може осмислити лише ті поняття, стосовно яких у неї є орієнтовні знання. Але оскільки знання отримуються через досвід, вони можуть модифікуватися і таким чином виникають нові знання. Отже, нові знання не є випадковими, а зумовлюються попередніми.

У такому ж руслі Рональд Ленекер пояснює здатність людини накладати структуру на свій внутрішній досвід. Він стверджує, що вона (людина) тяжіє до трактування чогось нового, посилаючись на попередній досвід [3, с. 105-106]. Р.Ленекер також зазначає, що новий досвід повинен функціонувати як мішень в процесі порівняння і його слід погоджувати з відомими стандартами [3, с.101]. Власне тому ми визначаємо особливості сформованих самотутніх концептів і використовуємо їх при утворенні нових концептів [5, с.18]. Таким чином, нові категоризації насправді залежать від вже наявної категорійної системи [пор. 4, с. 29; 42].

Відповідно, порівняння притаманне будь-якій культурі, але засоби вираження даної категорії різні. Слід зазначити, що категорія порівняння притаманна будь-якій мові будь-якого періоду. У мові категорія порівняння виражається за допомогою конструкцій, основу змісту яких становить компаративна семантика [див.: 2, с. 30].

Метою нашої статті є розгляд структурних, семантичних та дискурсивних зв'язків порівняльних конструкцій англійської мови давнього періоду.